

УДК 39(=511.131)

Л. А. Волкова

**РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВЗАИМОПОМОЩИ
В АГРОКУЛЬТУРЕ УДМУРТОВ:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

Культура земледелия удмуртов непрерывно развивается под воздействием социально-экономического, культурного и хозяйственно-производственного факторов. В хозяйственно-производственной сфере это проявляется в совершенствовании материально-технической стороны земледелия, что, в свою очередь, воздействует на социальные отношения в различных видах сельского труда, в том числе – на нормы трудового поведения. Традиционные поведенческо-регламентирующие виды взаимопомощи изменяются, приспособляются или уступают новым правилам. В частности, современные полевые материалы свидетельствуют, что при весенней посадке картофеля в индивидуальных крестьянских хозяйствах изменились (вплоть до исчезновения) некоторые издавна установленные обычаи трудового поведения, а также состав участников «веме».

Ключевые слова: агрокультура удмуртов, традиции и новации, взаимопомощь – «веме», регламентация труда во взаимопомощи, современные предписания «веме» при посадке картофеля.

В этнографической литературе о земледельческой культуре удмуртов большое внимание уделяется характеристике обычая взаимной помощи однообщинников и односельчан при выполнении сложных и трудоемких сезонных видов крестьянского труда, требующих срочности и большого числа рабочих рук. Этнографические зарисовки В. Кошурникова, С. К. Кузнецова, Н. Г. Первухина, Г. Е. Верещагина и др. дают полные и обстоятельные описания помочей у локальных групп удмуртов Сарапульского и Глазовского уездов Вятской губ., а также Мамадышского уезда Казанской губ. [4]. Авторы отмечают, что взаимопомощь проявлялась не только при выполнении полевых или уборочных работ, но и шире – в сфере жизнеобеспечения: возведение дома, бани, хозяйственных построек, битье глинобитной печи, заготовка дров, весеннее мытье потолка и стен избы и пр., – когда удмурты тоже привлекали родственников и соседей на условиях неоплачиваемой взаимной помощи. Так, в этнографических заметках об удмуртах и коми-пермяках Карсвайского прихода Глазовского уезда Н. Н. Блинов писал, что недели за три

до Петрова дня (29 июня по старому стилю, 12 июля – по новому) мужчины устраивали помочи по вывозу бревен из леса, «прятанью», то есть корчеванию пней, очищению от деревьев и кустарников покосных или пахотных участков [1].

И все же наибольшая доля трудовой взаимопомощи приходилась на хлебоуборочные работы. Так, в обмолоте и веянии, помимо личного участия, соседи помогали орудиями труда и иным сельскохозяйственным инвентарем. С ростом товарного значения зерна, когда крестьяне старались продать хлеб в короткие и более выгодные сроки, требовалось обмолотить и провеять зерно как можно быстрее, не растягивая этот процесс на долгую зиму. Так, если при благоприятных погодных условиях 6–8 человек вручную провеивали за день около четверти* зерна (7–8 пудов), то машина провеивала и сортировала до 200 пудов [5. С. 124, 153, 159–160]. К тому же при машинном веянии отходы (полова, мякина, куколь) не уносились ветром, а накапливались в одном месте, и их тоже можно было использовать в хозяйстве по назначению. Приведем мнение крестьянина Кестымской волости Глазовского уезда о качестве машинного провеивания зерна: «из одного мешка вывеелась разных травяных семян целая пудовка. <...> В провеянной руками мякине оставалось много зерна, провеяв эту мякину на веялке, достал из нее пудовку жита, следовательно, ручное веяние <...> оставляет в мякине на корм скоту часть жита, а взамен дает вместе с зерном разный сор, быть может, отчасти и вредный для здоровья человека» [8. Л. 8]. Кустари создали такой промысел: обмолот и веяние по найму на собственных молотилках и веялках и продажу техники по окончании работ. Переезжая из деревни в деревню по кладям и остожьям, токам и овинам, промысловики работали за определенную плату: они брали 1–1,5 коп. с одного пуда или «натурой» – «по гарнцу с вороха» (15–20 фунтов с 15–20 пудов обмолоченного зерна). К этой таксе прибавлялась обязанность хозяев кормить работников и их лошадь. Известно, что использование наемного труда было для удмуртских крестьян малохарактерно, неэкономно и практически нецелесообразно, тогда как следование нормам обычного права «сям» значительно упрощало выполнение указанных видов работ. Обычно хозяева объединяли усилия 5–7 работников: один работник (подросток) управлял лошадей, приводящей в движение ременной привод молотилки; другой разрезал связла снопов и подавал их на барабан; двое подносили снопы (или подвозили на лошади, если кладь-«кабан» располагалась за одворицей); двое отгребали солому и сыпали обмолоченное зерно в мешки. Так, совместными усилиями нескольких человек обмолачивали «два овина и более в день» (овин – 200–300 снопов) [3. С. 197–198]. По словам респондентов, юность которых пришлась на 1920–30-е гг., на «кутсаськон веме» охотно шли молодые люди в надежде полюбезничать с девушками («ныльёсты зыгырьяны»). Дворы для помощи нередко выбирали также по принципу вкусного угощения: «О, говорят, у Кляп пиос вкусный көртчал делают, надо идти к ним на веме, отведать көртчал» (овсяный кисель. – В. Л.) [7].

К общинной взаимопомощи в нач. XX в. была близка идея кооперации крестьянских хозяйств, которую, кстати, активно обсуждали делегаты съезда малых

* 1 четверть = 26,24 л.; 1 пуд = 16, 3 кг; 1 гарнец = 3,28 л.; 1 фунт = 0,4 кг.

народностей Поволжья и «всеудмуртских» съездов Глазовского уезда. Материалы трех съездов, организованных Глазовским культурно-просветительным обществом под руководством В. Д. Крылова (13–14 июня, 14–16 июля 1917 г. и 10–12 марта 1918 г.) свидетельствуют о большом интересе к теме кооперации. Многие делегаты видели пути повышения экономической культуры удмуртов именно в развитии взаимопомощи через создание артелей и кооперативов: кредитных, потребительских, кустарно-промысловых или сельскохозяйственных, – призванных объединить как использование сельскохозяйственной техники, так и трудовых усилий их владельцев [2. С. 104]. В этом нам видится главная стратегия приспособления удмуртской земледельческой культуры к новым способам производства. Высокая производительность труда и качество выполняемых работ ускорили совместное (по родственному и соседскому признакам) приобретение и обслуживание молотилок и веялок. Так, в 1917 г. во время сельскохозяйственной переписи в трех населенных пунктах (д. Кабаковская, поч. Куреговский и Панекшурский Глазовского уезда), считавшихся по социально-экономическим показателям малосостоятельными и неэффективными, в 74 хозяйствах было зафиксировано 6 ручных молотилок, 1 молотилка с конным приводом, 15 молотилок-сортировок, 31 веялка-сортировка [3]. На вопрос о форме совместного использования этого инвентаря жители ответили, что для ускорения уборочных работ сельчане организуют помочи. Регламентация очередности взаимопомощи соблюдалась жестко: молотильные работы начинали в овине того хозяина, который внес наибольшую долю средств на приобретение техники. На помощь приходили не только мужчины, но и свободные от хозяйственно-бытовых забот женщины (они, как правило, убрали обмолоченную солому и помогали приготовить обед для участников помочи). Из-за отсутствия более подробных этнографических описаний сложно представить весь процесс работы. Однако на основе фотографических снимков колхозного производства 1930–1940-х гг., можно реконструировать обычай взаимопомощи в уборке урожая. Условия труда и сельскохозяйственная техника, вероятно, мало отличались от предыдущих десятилетий XX в., о чем, в частности, свидетельствует фотография 1940-х послевоенных лет (фото 1), с изображением процесса обмолота зерна на молотилке, приводимой в движение от электрогенератора. Работают молодые женщины колхоза «Югыт сюрес» Карсовайского р-на (д. Коротаево, Глазовский р-н). Юноша на лошади транспортирует зерно на склад; на переднем плане слева снимка – техник-механик, сзади – члены правления колхоза: председатель, счетовод, кладовщик.

Представляется, что к земледельческому «веме» сельские жители активно прибегали в условиях советской деревни. Во-первых, потому что работа в колхозе или на совхозном производстве не оставляла времени для хозяйственных работ в личном хозяйстве. А во-вторых, именно в этот период шел активный процесс дробления больших семей. Семье родителей по возрасту, а молодой – из-за малых детей не по силам было самим освоить объем огородных работ. Как правило, участниками помочей были ближайшие родственники и соседи (которые тоже в основном являлись родственниками).

Дольше всего элементы взаимопомощи как традиции сохранились при весенней посадке и осенней уборке картофеля. Рассмотрим, в частности, со-

Фото 1. Обмолот зерна на колхозном току. Колхоз «Югыт сюрес» Карсовайского р-на УАССР (современная д. Коротаево, Глазовский р-н УР). Конец 1940-х гг.

ционормативную регламентацию обычая взаимопомощи в посадке картофеля. Касается она прежде всего количества и состава участников, а также распределения трудовых ролей. Разумеется, число помощников зависит от объема работы, но не превышает 7–8 человек. Сельчанину не составляет труда определить, есть ли необходимость его помощи в конкретной ситуации или нет. Если число участников превышает оптимальное количество, кто-то может уйти, и это не осуждается. Половозрастной состав работников зависит от соотношения мужчин и женщин в кругу родственников-помочан. Что же касается распределения трудовых обязанностей, вырисовывается следующая структура. Парни и девушки, как правило, выносят и разносят по участку большие емкости (корзины, ведра) с семенным материалом и сажают картофель под плуг в борозду. К ним присоединяются дети, подростки и молодые женщины, которым физически не сложно совершить «тысячу поклонов» земле. Вес наполненной корзины зависит от индивидуальных возможностей.

В каждом хозяйстве существуют свои агротехнические особенности посадки (ширина пахотной борозды, глубина посадки в борозду и в землю, расстояние между посаженными картофелинами, отбор по сортам), поэтому хозяева показывают и объясняют помощникам эти особенности. Взрослые мужчины (не более двух) ходят за плугом. Физически это самая тяжелая и ответственная работа, поэтому они часто меняются в управлении лошадью. В начале пахоты лошадь приходится вести за поводья, чтобы она приоровилась к глубине пахоты и ширине отвала. Пожилые участники «веме» отбирают семенной картофель и при необходимости режут его на части соответственно наличию глазков. Правда, такой (экономный) способ подготовки семенного материала был более характерен для 1960–1970-х гг., когда картофельный участок занимал более трети площади личного подворья, и не всегда хватало оптимального размера картофеля

Фото 2. Подготовка картофеля на посадку в хозяйстве Д. С. Волковой, д. Коротай Балезинского р-на УАССР (современная д. Кортаево, Глазовский р-н УР). 1960-е гг.

под посадку (фото 2). Сегодня, как правило, хозяева во время яровизации сами сортируют картофель по сортам и величине и не практикуют его резку.

Хозяйка с помощницей (бабушка или девочка-подросток) готовят обеденный стол. В работе устраиваются кратковременные перерывы. Во время отдыха работников помощница угощает желающих квасом, пивом, водкой. А мальчик-подросток (или сам хозяин) поит лошадь. Поскольку в колхозно-совхозный период жизнедеятельности удмуртского сельского сообщества практически ни одно хозяйство лошадей не держало, то для земельных работ использовали колхозных лошадей, которых по наряду выписывали в конторе. За световой день полагалось эксплуатировать лошадь не более, чем в двух хозяйствах, чтобы не надсадить. По завершении работы все участники обедают (или ужинают), в зависимости от очередности посадки картофеля. И подросток уводит лошадь после кормления на соседний огород или на пастбище.

Сегодня также важно соблюдать правила «веме». Они просты и понятны: приходит на помощь тот, кто свободен от работы на производстве или в личном подворье; никто не рассчитывает на необходимость «возврата» трудовой услуги; помощников нужно обязательно не просто накормить, а угостить, то есть стол накрыть праздничный. Из блюд по-прежнему обязательны каши, супы, яичница-селянка, окрошка, мясо, выпечка. Набор угощения определяется калорийностью, простотой в приготовлении и наличием у хозяйки соответствующих продуктов. Непременным атрибутом праздничного угощения являются алкогольные напитки. По словам одного из информаторов, в молодости (1940–1950-е гг.) участвовавшего в помочах, хозяйки к посадке картофеля специально ставили пиво и пекли шаньги, потому что другого угощения и не было (*«соин сяна маин куноятод ужасьёстэ»*).

В современном сельском социуме обычай «картофельного веме» исчезает по нескольким причинам: площади картофельного огорода в личном хозяйстве

сокращаются вследствие сокращения поголовья домашнего скота, для которого, собственно, и выращивался картофель как корм. В деревне увеличивается слой «деревенского пролетариата», не ведущего подворье в традиционном понимании сельчан. У большинства домохозяев есть сельскохозяйственная техника, экономящая время и заменяющая ручной труд. Многие из них используют рабочую силу родственников, приезжающих на выходные из городов, осенью делятся с ними урожаем. В совокупности этих факторов наблюдается усиление индивидуализма в атмосфере взаимоотношений сельчан.

Вместе с тем зарождается новая форма трудовой взаимопомощи – в объединении трудовых усилий соседей на садово-огородных участках городских жителей. Однако пока это единичные наблюдения, не поддающиеся систематизации.

Итак, в удмуртской этнической культуре важное место занимала традиция трудовой взаимопомощи в форме технологий жизнеобеспечения. Под технологиями в данном случае понимается сама организация хозяйственно-производственной взаимопомощи в сельском сообществе. Важные ее составляющие – социальные аспекты: бесплатность, безвозмездность, взаимопомощь. Исторически поведенческо-регламентирующие предписания взаимопомощи изменялись, приспособлялись или заменялись новыми правилами. Тем не менее, в стереотипном сознании удмуртов обычай «веме» остается как один из этноопределяющих и этноинтегрирующих признаков, что свидетельствует о его значимости в этнической культуре народа. Предложенная Г. А. Никитиной дефиниция термина «веме» как института и гаранта функционирования общины и индивидуума, как элемента социо- и этнонормативной культуры, как обычая трудовой взаимопомощи с выработкой и передачей производственных навыков, коллективного опыта и знаний представляется в современной историографии удмуртской этнографии наиболее удачной [6. С. 224–225].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Блинов Н. Н.* Сельскохозяйственный быт // Вятские губернские ведомости. 1865. № 36.

2. *Волкова Л. А.* Общественно-культурное движение в сельском хозяйстве Удмуртии (конец XIX – начало XX в.) // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: Материалы III Всероссийской (XI Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.). Ижевск, 2010. С. 101–107.

3. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 574. Оп. 4. Д. 2194, 2195, 2212.

4. *Кошурников В.* Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань, 1880; *Первухин Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888; *Кузнецов С. К.* Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии. М. 1905; *Верещагин Г. Е.* Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 1. Ижевск, 1997. С. 63–122.

5. Материалы по описанию промыслов Вятской губернии. Вятка, 1889. Вып. 1.

6. Никитина Г. А. Веме // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000.
7. Полевые материалы экспедиции ЭЭ–ГГПИ–1994. Д. Кляпово, Глазовский р-н.
8. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1195.

Поступила в редакцию 18.02.2014

L. A. Volkova

Regulation of Mutual Aid in the Agro-culture of the Udmurts: Tradition and Innovation

The agriculture of Udmurts is developing continuously under the influence of socio-economic, cultural and production factors. In the production sphere these changes have an effect on the improvement of the material and technical side of agriculture. These innovations take effect on social relations in the performance of different forms of rural labor, including the standard of work behavior. The traditional behavioral rules for mutual aid change and are adapted or substituted by new rules. In particular, this concerns the planting of potatoes in spring in private farms. Contemporary field materials attest the gradual change and even disappearance of some standards of working behavior, established by customs, and also the composition of participants in the “veme”.

Keywords: agro-culture of Udmurts, tradition and innovation, “veme”, the regulation of labor in the mutual aid, the regulation of rules of “veme” during the planting of potatoes

Волкова Люция Аполлосовна,

кандидат исторических наук, профессор,

ФГБОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт
им. В. Г. Короленко»

427621, Россия, г. Глазов, Первомайская ул., д. 25

E-mail: snovaluciya@mail.ru

Volkova Lyutsiya Apollosovna,

Candidate of Sciences (History), Professor,

Glazov State Pedagogical Institute

427621, Russia, Glazov, Pervomayskaya St., 25

E-mail: snovaluciya@mail.ru